

АРХАИЗАЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ: НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ

Во все времена пословицы привлекали носителей языка своей семантической ёмкостью и значимостью для выражения разных прагматических целей в процессе коммуникации. Эти замкнутые устойчивые фразы имеют статус языкового знака, так как выступают маркёрами ситуаций или отношений между реалиями.

В силу сложного характера семантики и формы пословицу считают специфическим языковым знаком. В лингвистической прагматике пословица определяется «как замкнутая предикативная единица гибридного типа, совмещающая признаки языкового знака и мини-текста, как оценочное суждение, используемое в речи для достижения разных коммуникативных целей и реализации соответствующих коммуникативных стратегий» [1;105]. При этом пословицы можно квалифицировать и как языковые знаки вторичной номинации. Под знаками вторичной номинации, как известно, понимаются номинативные единицы, содержащие в своем значении смысловую связь с семантикой знаков первичной номинации. Образный смысл пословицы, подобно смыслу метафоры, является производным от прямого смысла слов, составляющих пословичный текст.

Будучи специфическими языковыми знаками, пословицы образуют особую семиотическую подсистему. При этом, как и лексическая система, паремиологический фонд русского языка является системой динамично функционирующей, что обуславливает наличие в ней активной и пассивной части. Л.Б. Савенкова отмечает, что приблизительно три четверти паремий, бытовавших, судя по материалам сборников пословиц и поговорок, ещё сто пятьдесят лет назад, оказываются неизвестными нынешним носителям русского языка [2].

Предпосылки архаизации пословиц кроются именно в двойственной природе их содержания. Значение пословицы складывается из языковой семантики составляющих ее компонентов. Устойчивость пословичной структуры и семантики, воспроизводимость их в речи, а также номинативность служат доказательством принадлежности пословицы к числу языковых знаков. Однако обобщенный смысл пословицы как семиотического знака вытекает из ее функционирования как текста. Текстовыми характеристиками пословицы выступают ее предикативность, автосемантичность, то есть относительная независимость от текста; обобщенность семантики; наличие коммуникативной установки.

Поскольку лексическое наполнение паремического текста – это своего рода основа производного, обобщенного пословичного смысла, то важнейшим условием перехода пословиц в пассивный запас становится разрушение или утрата этой основы, приводящие к затемнению исходного семантического плана паремии. Экстралингвистическими факторами, способствующими этому, выступают ключевые экономические, социальные и культурные изменения в русском обществе. Причины, порожденные названными факторами, могут быть разными.

Одной из причин является исчезновение в наши дни ряда реалий, наименования которых в прошлом создавали образную основу пословиц. Так, например, в наше время стали неактуальными многие из паремических текстов, входящие в «Сборник российских пословиц и поговорок», изданный в 1904 году [3]. Составитель сборника И.И. Иллюстров, юрист по образованию и роду деятельности, отдает предпочтение изречениям, выражающим воззрения народа на общественные отношения и различные стороны правового быта дореволюционной России. Как следствие, в текстах сборника содержится большое число слов, после Октябрьской революции отошедших к устаревшей общественно-политической лексике. Обозначения утраченных реалий в пословицах сборника Иллюстрова настолько часты, что здесь можно выделить устаревшие обо-

значения разных тематических групп. Это номинации социального статуса лица (*царь, боярин, воевода* и др.): *Без бога свет не стоит, без царя земля не правится*; *Народ – тело, а царь – голова*; *Поля хранятся огородою, а люди – добрым воеводою*; сословного статуса, типичного для дореволюционной России (*барин, однодворец, дворянин, поп, холоп, старец, чернец*): *Каков барин – таков и крестьянин*; *От горя – в солдаты, от беды – в чернецы*; должностного статуса (*дьяк, подьячий, становой, городской, будочник*): *Дьяк у места – что кот у теста*; *Подьячий – породы собачьей*; *приказный – народ пролазный*; *Бог сотворил два зла: приказного да козла*; разного рода повинностей (*оброк, дань, тягло, недоимки* и др.): *Монастырщина – что барищина*; *С одного тягла по две дани не берут*; *Дожил до зазимок – нет недоимок* и др. Например, в пословице *Поля хранятся огородою, а люди – добрым воеводою* речь идет о городском воеводе, задачей которого была организация защиты города в случае нападения неприятеля. От деятельности такого воеводы зависела безопасность горожан. Забвение пословицы обусловила архаизация слова *воевода* в названном значении. По этой же причине устарела и пословица *Конь любит овес, а воевода – принос*, в составе которой слово *воевода* употреблено с более поздним значением 'градоправитель' (эта должность была упразднена в 1775 году).

Утрата реалий, наименования которых составляли основу общего смысла пословицы, превращает паремический текст в «содержательно неполноценный» для современных коммуникантов семиотический знак и отодвигает пословицу на периферию паремиологической системы.

Забвение пословиц может быть связано также с утратой пресуппозиций – невыражаемых, однако существенных для коммуникантов знаний, когда общий смысл пословицы становится непонятен, даже если устаревшие слова в ее структуре отсутствуют. Так, например, устарела пословица *Борода – лишняя тягота*, возникшая как реакция на установленную царем Петром в 1705 году пощлину за ношение бород, которая позже была отменена. Аналогична причина ухода в пассивный запас пословицы *По улице едешь, хоть шапки не надевай*, иронически оценивающей многоначалие в дореволюционном селе, и др. Архаизация пословиц *Каковы дядьки – таковы и дитятки*, *У кого есть дядька – у того цел и дитятка* вызвана утратой обычая прикреплять к подросшим мальчикам дядьку – мужчину-воспитателя, хотя, например, во времена Пушкина это было обычным явлением.

Весьма заметными могут быть изменения в составе пословиц, если вследствие социокультурных перемен меняются ценностные приоритеты общества. Так, например, в русской пословичной картине мира, сформировавшейся к XIX веку, наиболее значимым блоком ценностей были морально-нравственный, связанный с семьей. Соответственно, пословиц о семье в прошлом было намного больше, чем теперь. Во-первых, как свидетельствуют материалы сборника И. Иллюстрова, дореволюционная семья была патриархальной, и пословицы, помимо привычных номинаций семейного статуса (*муж, жена, ребенок, дети, сын, дочка*), включали названия родственников по восходящей или нисходящей линии (*отец, мать, дед, бабушка, прадед, брат, сестра, внук, внучка*), а также родственников по боковым линиям (*дядя, тетя, племянник, племянница, пасынок, падчерица, отчим*), названия родственников и свойственников мужа или жены (*деверь, золовка, зять, невестка, сват, свекор, свекровь, свояк, сноха, тесть, теща, шурин*). Во-вторых, в старинных пословицах широко использовались варианты обозначений лица с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, в текстах сборника Иллюстрова: *мать – мама, маменька, матушка*; *бабушка – бабка, бабуся*; *вдова – вдовица, вдовушка*; *дети – детки, детушки, дитятко*; *муж – муженек, мужилка, мужичок, мужишко*; *сноха – сношка, сношенька* и др., что в патриархальной семье было обусловлено требованием соблюдать определенные правила поведения, в том

числе речевого (члены этой семьи, будучи связанными ведением совместного хозяйства и общностью быта, как правило, жили под одной крышей). Наконец, в старых сборниках были широко представлены пословицы, в которых отражалось традиционное распределение ролей в сложной семейной иерархии. Однако в XX веке в связи с кризисом патриархальной семьи большая часть изречений о семье стала достоянием пассивного фонда. Ушли из речевого обихода пословицы о родственниках и свойственниках мужа и жены (*Зять любит взять, а тесть любит честь, а шури́н глаза шури́т; Золовка – хитра на уловки*). Устарели паремические тексты, содержащие дериваты с оценочными суффиксами: *Дочку сватать – за матушкой волочиться; Богоданы сестрицы* [золовки] – *крапива жгучая; Сношенька – у свекра госпоженька; Хоть плох муженек, да затулье мое, завалюсь за него, не боюсь никого и мн. др.* Утратили актуальность пословицы, в которых выступает нормативная положительная оценка мужа: *Муж в дому, что глава на церкви; Муж жене пастырь, а жена ему – пластырь* и т.п.), отрицается возможность развода (*Муж – не сапог, не скидается с ног; Жена – не рукавица, с руки не скинешь, да за забор не кинешь*) и т.п.

Смысловое содержание пословиц как знаков косвенной номинации детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями [4;7] в первую очередь. Следовательно, и уход пословиц в пассивный запас обусловлен главным образом социокультурными причинами. Однако архаизация пословиц связана и с интралингвистическими факторами. В частности, устаревают пословицы, содержащие лексические архаизмы: *С подру́жьем и горе пополам разгорюешь* (подру́жье ‘супруг или супруга’); грамматические архаизмы: *Наказу́й детей в юности – успоко́ят тя на старости; Каково племя́тко – таково и я́гнятко*; диалектные названия: *За добрым мужиком и чули́нда – жена, а за дурным и поповна – раба (чули́нда ‘чучело’); Нужда – мизги́рь, а заеми́чик – что муха (мизги́рь ‘паук’)*; окказиональные номинации: *Дорожиться – товар залежится* (дорожиться ‘дорого запрашивать за товар’) и др.

Достоянием пассивной части пословичного фонда становятся также изречения, сохраняющие в структуре образные сопоставления, впоследствии утраченные, например: *Рука руку моет, вор вора кроет; По Сеньке и шапка, по горшку и крышка; В семье не без урода, на войне не без урона*. В актуальный пословичный фонд вошла лишь первая часть вследствие смещения акцентов, обеспечивающих лаконизм паремии и усиливающих ее образность.

Факт ухода в пассивный запас и даже забвения многих народных изречений отнюдь не означает, что пословица как тип языкового знака теряет свою весомость в современной системе языка. В устной речи наших дней используются новые устойчивые словесные комплексы, соотносимые с актуальными реалиями общественной, экономической и культурной жизни.

Литература

1. Абакумова, О.Б. Семантика и прагматика пословиц в дискурсе / О.Б. Абакумова. – Вектор науки ТГУ. № 4 (14). – 2010. С. 105–107.
2. Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н.: Спец. 10.02.01 / Л.Б.Савенкова; [Рост. гос. ун-т]. – Ростов н/Д, 2002. – 46 с.
3. Иллюстров, И.И. Сборник российских пословиц и поговорок / И.И. Иллюстров. – Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904 г. – 475 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки внутренней формы знаков косвенной номинации / Н.Ф. Алефиренко. – Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». – 2012. – № 4. – Вып. 44. – С. 7–14